

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саенко Н.Р., Татаренко М.А. Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.71953 EDN: BKFERE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71953

Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре

Саенко Наталья Ряфиковна

ORCID: 0000-0002-9422-064X

доктор философских наук, кандидат филологических наук

профессор кафедры гуманитарных дисциплин Московского политехнического университета

107023, Россия, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38

✉ rilke@list.ru

Татаренко Мария Андреевна

аспирант; кафедра философии и культурологии; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400005, Россия, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27, оф. 712

✉ mardmy@yandex.ru

[Статья из рубрики "Традиции и инновации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.71953

EDN:

BKFERE

Дата направления статьи в редакцию:

11-10-2024

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются трансформации массовых событий празднования в рамках современной культуры участия, являющейся своеобразным сопротивлением консюмеризму, преодолением пассивности зрителя экранной культуры. Массовый праздник эпохи поздней современности является новой площадкой гражданской активности, что имеет как продуктивные аспекты, так и риски. Особое внимание уделено анализу таких особенностей указанных изменений, которые, во-

первых, приобретаются современными формами празднования в процессе этих культурных трансформаций, и, во-вторых, остаются устойчивыми и повторяются в рамках современного масскульта от одной формы празднования к другой, меняясь только внешне, но не изменяясь по сути. Массовый праздник является культурным феноменом, следующим после музейных практик, на который экстраполируется концепция культуры участия. Так концепция культуры участия выходит за границы политологии и приобретает статус или междисциплинарной, или культурологической. Концепция «культуры участия» является методологическим принципом рассмотрения и анализа современного массового празднования. Кроме того, исследование опирается на ряд фундаментальных научных трудов М. Маклюэна, М. Кастельса, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Ж. Бодрийера. По результатам исследования выделены и проанализированы инициальные причины и последующие механизмы поддержания высоких темпов культурной динамики, которые по совокупности и определяют эти внутрикультурные трансформационные процессы. В заключение наиболее подробно рассмотрена роль общего социогенеза современной массовой культуры при переходе ее в пространство культуры информационной, позволяющей использовать в процессе реализации новых форм празднования «онлайн» свои инженерно-технические и технологические решения и достижения, но, в то же самое время, незаметно изменяющие культурную рефлексию и сознание современного человека. Современная «культура празднования» по сути является одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия. В искусственно создаваемом хронотопе праздника общество как бы раскрывается изнутри и полностью перед самим же собой, создавая поистине беспрецедентные условия для обновления и повышения уровня собственной внутренней интеграции. Существующая культура празднования предполагает, что большинство возможностей культуры участия самым активным образом реализуются в сценарной, постановочной и перформативной части организации любого вида праздничных мероприятий или церемоний.

Ключевые слова:

массовый праздник, культура участия, каузативизация актов участия, парадигмы культурного развития, культурная рефлексия, традиция, инновация, ритуал, зрелище, массовая культура

Латинский глагол «participare» на самом деле используется в языке и речи не только как акциональный глагол прямого действия (в значении «принимать участие»), но и как лексический каузатив (в значении «вовлекать кого-либо в участие в чем-либо»). Эта довольно существенная двойственность передаваемых им значений в определенном смысле и была когда-то заложена в основу создания, а затем и закрепления в общем пространстве культуры так называемой «participatory culture» – культуры участия, которая по истечении первого периода своего вхождения в это пространство начала интенсивно трансформироваться вследствие предполагаемой, а затем и вполне успешно реализуемой множественности собственных исторических форм, возникающих в процессе социальной коммуникации и взаимодействия индивидов и целых социальных групп.

Одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия стало возникновение так называемой «celebration culture» («культуры празднования» – от лат. «celebrare» – «праздновать») в связи с тем,

что исторически почти во всех видах сложившейся национальной или этнической культуры периоды празднования становились подлинными пиками интенсивности общения и взаимодействия отдельных индивидов и социальных общностей любого уровня, начиная с семьи и кончая всей человеческой цивилизацией как единым целым, отмечающим наступление очередного нового календарного года или какое-либо выдающееся достижение, имеющее значение для всех стран и народов. В такой ситуации в искусственно создаваемом хронотопе праздника общество как бы раскрывается изнутри и полностью перед самим же собой создаёт поистине беспрецедентные условия для обновления и повышения уровня собственной интеграции.

Однако в современной ситуации интенсивной и стремительной смены внешних условий ускорения общей социальной и культурной динамики, в значительной степени определяемой достижениями современной науки и техники, происходит столь же динамичная трансформация моделей и парадигм культурного роста и развития, что, в свою очередь, не может не отражаться вполне определенным и целенаправленным образом на процессе изменения более частных и преимущественно коллективных, массовых форм празднования в рамках более общей культуры участия, что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования определена как выявление актуальной феноменологии изменяющихся форм празднования, их последующий анализ и описание причин, действующих факторов такого рода трансформаций в рамках современной культуры участия.

Первоначально определенная в качестве одного из подтипов интенсивно трансформирующейся на то время политической культуры (С. Верба и Г. Алмонд – цит. по [Короткова, с. 99 – 101]), культура участия была демаркирована от других таких же подтипов двумя основными критериями: уровнем активности участника в некотором «общем деле», а также уровнем его субъектности (см. выше «participare» как каузатив). Условный «субъект культуры участия» в этой первоначальной редакции – это лидер, активист, способный увлечь своими идеями и установками и вести за собой других на фоне любого своего личного отношения к существующей политической системе и к тому, что делает и что декларирует формальное руководство этой системой. В рамках культуры участия такой субъект не только формулирует требования и замечания к политическому процессу и его формальным акторам, но и сам активно участвует в доступных формах проведения такого рода решений в жизнь. Так, начиная с 2011 года в г. Томске, а позже в других городах России во время празднования 9 мая Победы СССР над фашизмом в Великой отечественной войне начали проходить акции-шествия рядовых граждан. Участники проходят колонной по улицам городов с фотографиями своих родственников — участников Великой Отечественной войны, подпольщиков, бойцов Сопротивления, тружеников тыла, узников концлагерей, блокадников, детей войны — и записывают семейные истории о них в Народную летопись на сайте движения «Бессмертный полк».

Переход от политико-ориентированных форм культуры участия к формам культуры празднования оказывается возможен через частные варианты реализации атрибуций субъектности в пространстве культуры: способность инициировать обсуждение чего-либо с другими – тем самым привлекая их к сотрудничеству с последующей организацией любых культурных форм уже в рамках группового согласованного взаимодействия, для реализации которого, без сомнения, становятся уже необходимыми функции управления группой. Существующая культура значительного большинства реализуемых на настоящее время форм празднования предполагает, что все эти вышеуказанные возможности

самым активным образом реализуются в сценарной, постановочной и перформативной части организации праздничных мероприятий или церемоний, внутри которой всегда обнаруживается неформальный лидер или несколько согласованно действующих лидеров – это и есть тот самый случай, когда на время празднования реальная жизнь трансформируется в своего рода театр, в сценарно-организованное зрелище. Грань между формальным «зрителем» и формальным «актером» в такого рода зрелищах довольно условна, поскольку, при отсутствии конвенционально устанавливаемых ограничений ничто не мешает взаимообмену между этими временными социальными ролями, возможные аскрипции которых носят условный и карнавальный характер – иногда бывает достаточно что-то поменять в своем внешнем облике, или речи, или жестах, чтобы тут же стать «одним из....» – такие ситуации часто описываются в художественной литературе и становятся частью киносюжетов художественного кинематографа [Туркина, с. 12].

Постоянные флуктуации социокультурного контекста, сопровождающего существование современного социума, приводят затем к последующим изменениям в массовом сознании представлений об истории как науке о развитии этого социума, вследствие чего в массовом сознании происходит постоянная ротация знаменательных событий и памятных дат, являющихся, согласно мнению общественного большинства, поводами для празднования в массовом, расширенном социальном формате. Эта постоянная актуализация и дезактуализация поводов для организации празднования, поскольку значительная часть современного человечества живет в условиях массовой культуры, в настоящее время почти полностью находится под модерацией со стороны масс-медиа. С другой стороны, современная массовая культура, исходя из имманентно присущих ей особенностей организации структуры ее собственного пространства, в плане своего начального генезиса и последующих тенденций развития, всегда обладала более или менее выраженной склонностью к масштабным культурным трансформациям с последующей импликацией их результатов в свое общее пространство [Емельянов, с. 234].

Считается, что массовая культура имеет тенденцию к абсолютизации собственного доминирования, вследствие чего обнаруживает склонность к замещению народной, традиционной культуры. Однако по отношению к формам празднования чего-либо массовая культура, выраженно прагматическая по своей внутренней сути, пытается встраивать уже имеющийся культурный материал в новые контексты, активно используя достижения традиционных форм празднования и стараясь манипулировать ими во имя достижения целей своего собственного развития [Хлудова, с. 31].

Ряд философов, культурологов, литераторов согласованно указывали на целенаправленное обесценивание новым масскультом аксиологии традиционной культуры, сопровождающееся примитивизацией и опошлением, однако по отношению к формам празднования, адаптируемым этим масскультом к новым культурным реалиям, вернее было бы утверждать, что здесь масскульт оказался склонен к безудержному экспериментированию с материалом традиционной культуры, причем часто безо всякой оглядки на аксиологию последней [Кастельс, с. 94]. Следствием целенаправленной реализации таких подходов и становится ныне *mutatis mutandis* прежних традиционных форм празднования, в которых содержание сохраняется, тем временем как перформативная (или декоративная) их часть просто фонтанирует этим «новым» разнообразием.

Вследствие этого определение тех наиболее частотных градиентов этих изменений, которые можно было встроить в новые модели и формы празднования, достаточно

ограничен. Во-первых, это массово и целенаправленно репрезентируемая фриковость с обилием декорированных внешне агглютинативов. Например, на шумевшая Церемония открытия Олимпийских игр 2024 года в Париже, в сценарий которой были включены перформанс «Тайной вечери» в исполнении актёров-мужчин, переодевшихся в женщин; оперная певица в образе казненной Марии-Антуанетты с собственной отрубленной головой в руках; загримированный в синий цвет певец в образе обнаженного бога Диониса, возлежащего в окружении яств на огромном блюде; железный механический конь, несший над Сеной всадника с олимпийским огнём, образ которого повторял фигуру всадника Апокалипсиса на гравюре А. Дюрера. Церемония проходила не на стадионе, а на водной глади Сены, трибуны зрителей были установлены на набережных, таким образом и символически, и фактически участие граждан в праздновании было выведено за границы сценария.

Во-вторых, это столь же выраженная стилистическая микшированность в жанре «*conjungatio inconjungantis*» («сочетание несочетаемого» – лат.), приводящая к крайне неопределённым содержательно и продолжительным по длительности дискуссиям между критиками и экспертами в сфере массовых культурных перформансов современности.

В-третьих, это сценарная и сюжетная мультипликативность, когда на уже созданный ремейк чего-либо популярного ранее создается ремейк второго порядка.

Множественные трансформационные процессы, требующие достаточно широкого привлечения масс к реализации новых форм празднования в рамках культуры участия, в итоге приводят к формированию столь же новой, заместительной культурной аксиологии, а именно – к появлению новых культурных вкусов, предпочтений, стандартов и норм репрезентирования всех форм массовых типов культурной активности, подходящих под это понятие. Используя непривычные для традиционной культуры специфические средства воплощения образности празднования, выражения его «осовремененной» культурной символики, культура участия сама по себе превращается во что-то новое, не обнаруживающее прямую символическую или стилистическую преемственность с существующей культурной традицией, и это – та культурная ситуация, когда множественность разнонаправленно изменяющихся культурных форм в конце концов начинает формировать внутри них столь же новое культурное содержание, отрицать появление которого сейчас становится невозможно.

Получившая благодаря современному развитию техники в сфере массовых коммуникаций все возможности для своего возникновения и развития, современная медиакultura неизбежно трансформирует традиционную структуру исторически сложившихся социальных связей в сетевые структуры массовых коммуникаций в пространстве виртуальной реальности, после чего результат не замедлит себя ждать – значительное большинство традиционных форм празднования претерпевает трансформацию как виртуализацию, а само участие в праздновании также становится виртуальным, «онлайн». Тем самым присущая современной культуре участия в ее «онлайн» вариации форма празднования превращается, согласно терминологии Ж. Бодрийяра, в виртуальный симулякр. В одном из своих фундаментальных критических трудов [Бодрийяр] Бодрийяр с иронией пишет, что одну только смерть невозможно трансформировать таким вот образом, поскольку она, по его мнению, есть естественный предел всех симуляций – тогда как, напротив, событие смерти (похороны) трансформируются современным масскультом в форму празднования, равно как и всякое другое событие. Можно загодя расписать сценарий, последовательность массовых акций, декор и оформление сцены, распределение ролей, и даже изменения реакции масс на те

или иные переходы от одного акта к другому по ходу реализации общей церемонии [Дебор]. Например, планирование траурных мероприятий на случай смерти Елизаветы II началось еще в 1960-х годах. Ее Величество сделала множество распоряжений насчет предстоящей траурной церемонии. Вся церемония прощания была полна символов и скрытых аллюзий. Гроб был накрыт Королевским штандартом — флагом, представляющим суверена Британии, Земель короны и британских заморских территорий. На нем изображены три льва, которые обозначают Англию, один лев, обозначающий Шотландию, и арфа, которая символизирует Ирландию. Этот флаг поднимали над одним из дворцов королевы, когда она в нем останавливалась. Венок, который украшал гроб во время траурных мероприятий, был подарком от сына — нового короля. Он был составлен из цветов, выращенных в садах любимого шотландского замка королевы Балморал, ее «рабочего кабинета» — Букингемского дворца, и резиденции Чарльза Кларенс-хаус, а также листьев розмарина, английского дуба и веток мирта. Последние были срезаны с кустарника, когда-то выращенного из черенка, взятого из свадебного букета Елизаветы. В венке находилась записка, подписанная от руки «любящим и навечно преданным» Карлом III. Сначала четверо детей, а на следующий день — восемь внуков королевы Елизаветы II приняли участие в церемонии, которая называется». На 15 минут они заменили гвардейцев, круглосуточно дежуривших у гроба королевы. Традиционно в Бдении принцев не принимали участие женщины. Но на сей раз королевская семья решила устранить гендерное неравенство: вместе с королем Карлом и принцами Эндрю и Эдвардом на почетную вахту заступила дочь королевы принцесса Анна; наравне с принцами Уильямом и Гарри, а также Питером Филлипсом и Джеймсом, виконтом Северном в церемонии приняли участие принцессы Беатрис и Евгения, Зара Тиндалл и леди Луиза Виндзор. Это внесло в церемонию некоторое разнообразие: когда участники бдения поднимались по лестнице, с ноги Зары Тиндалл — дочери принцессы Анны — слетела туфелька, из-за этого процессия на несколько секунд приостановилась, замедлилась. Но все телезрители, наблюдавшие трансляцию церемонии, оценили то, с каким достоинством и грацией Зара вернула обувь на место. Таким образом, и запланированное, и импровизированное в ритуале оказалось символическим.

В свою очередь, демонстрация массовому восприятию форм виртуального празднования создает у зрителя устойчивую иллюзию их продолжения при переходе от виртуальной реальности к реальности физической. Стирание граней между первой и второй реальностью именно посредством реализации форм массовых действий в рамках современной культуры участия прогрессирующе превращает ее потенциального объекта в средство и инструмент переноса доминирующих в виртуальной реальности форм массового взаимодействия, в реальность физическую, и чем большие масштабы и глубину приобретает этот процесс, тем менее заметными становятся сами механизмы внутренней трансформации одного культурного содержания в другое [Верховская, с. 96]. Субъект массовых форм виртуальной культуры участия превращается в ретранслятор переноса их в реальность физическую, вследствие чего традиционная культура участия во все большей степени превращается фактически в субкультуру как зависимую и подчиненную часть виртуальной культуры участия.

Все эти метаморфозы в конце концов приводят к тому, что по сравнению с традиционной культурой содержательно-символическая аутентичность продвигаемых масскультом форматов празднования резко снижается.

Например, используя фантастические по быстрдействию ресурсы современных масс-медиа, информация об очередном подобном событии условного «празднования» широко распространяется за считанные минуты, создавая такой специфический информационный

фон, на котором культурная рефлексия потенциального реципиента неощутимо, но неуклонно изменяется от считывания информации с текста к восприятию ее с экрана – со всеми вытекающими из этого почти незаметного изменения последствиями.

Выводы

1. Современная «культура празднования» по сути является одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия. Феноменологический анализ современного массового празднования может выступать методологической призмой, сквозь которую высвечивается спектр причин трансформаций современной культуры участия.
2. В искусственно создаваемом хронотопе праздника раскрывается в своей геополитической, национальной специфике конкретная культура, создавая условия для обновления и повышения уровня собственной внутренней интеграции.
3. Существующая культура празднования предполагает, что большинство возможностей культуры участия самым активным образом реализуются в сценарной, постановочной и перформативной части организации любого вида праздничных мероприятий или церемоний.
4. Современная массовая культура всегда обладала более или менее выраженной склонностью к масштабным культурным трансформациям с последующей импликацией их результатов в свое общее пространство.
5. Формирующимися в ходе трансформационных преобразований особенностями современных форм празднования являются их выраженная фриковость, стилистическая микшированность и сценарно-сюжетная мультипликативность (обилие ремейков).

Библиография

1. Баскаков С. С., Некита А. Г., Маленко С. А. Культурные индустрии в палитре научных интерпретаций // Бренное и вечное: культурные индустрии в социальных контекстах: Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород, 21–22 ноября 2022 года / Сост. и отв. редакторы: С.А. Маленко, А.Г. Некита. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2023. С. 19-25.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Рипол-классик, 2012. 512 с.
3. Верховская С. Б. Медиакultura как фактор трансформации сознания // Вестник урведения. 2011. № 11. С. 93-99.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М.: АСТ, 2022. 256 с.
5. Емельянов А. В. Массовая культура: аспекты трансформации // Молодой ученый. 2012. № 11 (46). С. 233-236.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Ковалева С. В., Гргорьев С. Л. Homo Affectus как антропологический проект экранной культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1(869). С. 141-147.
8. Королева Е. Б., Леденцова Е. К. Культура участия как «хорошо забытое старое» // Elar.urfu.ru/ [Электронный ресурс] URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36569/1/dc-2015-62.pdf> (Дата обращения: 15.10.2023).
9. Короткова М. В. Партиципаторные стратегии и культура участия в музейной педагогике // Наука и школа. 2020. № 4. С. 97-102.
10. Кортунув В. В., Саенко Н. Р. Эмоциональные антиномии современности // Контекст и

рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 5-1. С. 83-91.

11. Кортунов В. В., Саенко Н. Р. Новые модусы эмоций в современной культуре // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6, № 3. С. 53-67.

12. Лобанова Ю. В., Саенко Н. Р. Советский энтузиазм в контексте истории эмоций // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство : доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР, Москва, 20 декабря 2022 года. – Москва: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2022. С. 264-270.

13. Магсумов Т. А., Сафина А. М., Маркова Н. Г., Ганиева А. М. Профильная смена языкового лагеря для детей: актуальные направления работы / // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 2-2. С. 45-55.

14. Майны Ш. Б., Чооду О. А. Традиционная праздничная культура: понятие и сущность // Вестник культуры и искусств. 2014. № 2(38). С. 56 – 61.

15. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2011. 464 с.

16. Маленко С. Полюса Индустрии впечатлений: от увлекательного досуга к идеологеме «расчеловечивания» // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2023. № 1(2). С. 9-21.

17. Панова Е. П., Манаева А. И. Роль визуального образа в плакатах Великой отечественной войны 1941–1945 гг. (журнал «Крокодил») // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство : доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР, Москва, 20 декабря 2022 года. Москва: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2022. С. 119-128.

18. Туркина В. Г., Антонова Е. Л. Массовая культура в ее современных феноменах // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 12. С. 11-28.

19. Хлудова Е. Н. Особенности политической культуры участия молодежи в условиях трансформации современного российского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 Тула, 2006 172 с.

20. Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М.: Ad Marginem, 2016. 104 с.

21. Шатунова Т. М. Социальный смысл онтологии эстетического (опыт оправдания красотой): монография. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 154 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философская мысль» статье, как автор обозначил в заголовке («Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре»), является совокупность факторов трансформации массовых форм празднования (в объекте) в современной культуре.

Объект исследования (современная культура) автором поясняется посредством определения «культуры участия», которая, в свою очередь, «по истечении начального периода своего вхождения в это пространство [в общее пространство культуры] начала интенсивно трансформироваться вследствие предполагаемой, а затем и вполне успешно

реализуемой множественности собственных исторических форм, возникающих в процессе социальной коммуникации и взаимодействия индивидов и целых социальных групп». На примерах «Бессмертного полка», открытия олимпийских игр в Париже (2024) и похоронных торжеств Елизаветы II автор рассмотрел предмет исследования (совокупность факторов трансформации массовых форм празднования), подчеркнув, что «современная “культура празднования” по сути является одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия».

Признавая право автора на собственную точку зрения, рецензент все же, обращает внимание, что в силу неопределенности объектно-субъектных отношений в рамках соотношения феноменов культуры в тексте статьи размывается категория фактора — феномена, обуславливающего объективность процесса. В частности, автор неоднократно наделяет субъектностью массовую культуру (например, в выводах: «По отношению к формам празднования массовая культура, выраженно прагматическая по своей внутренней сути, пытается встраивать традиционный культурный материал в новые контексты» или «В слиянии трансформированных форм празднования с современной медиакulturой функции креации целенаправленно вытесняются функциями популяризации и клиширования массовой культурной рефлексии...»), чем исключает из оптики внимания её процессный характер, обусловленный внешними факторами. Одним из таких внешних факторов, к примеру, является ценностно-смысловой фундамент традиционных культур, в которых и закрепился на протяжении тысячелетий виртуальный (игровой) характер праздника. В результате в концепции автора массовая культура является одновременно и трансформирующим современную культуру субъектом (актором) и трансформируемой субстанцией (объектом приложения усилий некоторыми непроясненными в статье силами): т. е. и областью трансформаций, и фактором этих трансформаций. В имплицитном (не отрефлексированном) наблюдении самодетерминации современной массовой культуры кроется неразрешенное автором противоречие: как отстраняемая от участия в процессе (в праздновании события) массовая культура может быть фактором собственной трансформации?

Рецензент подчеркивает, что его замечание носит не столько методологический, сколько дискуссионный характер. Автор вправе его проигнорировать, ожидая спровоцированных его публикацией теоретических дискуссий. По мнению рецензента, только понимая культуру как исторически развивающуюся систему надбиологических программ жизнедеятельности общества, можно наблюдать, каким образом исторически сложившиеся наиболее существенные факторы, по своей природе внешние по отношению к современной культуре, обуславливают анализируемые автором трансформационные процессы. Именно соотношение гетерономных и генетических процессов, по мнению рецензента, позволяет достаточно адекватно выделить конкретные факторы развития системы, включая изменения и трансформации на любом уровне их концентрации (скорости процессов).

Методология исследования кратко изложена автором в целеполагании («выявление актуальной феноменологии изменяющихся форм празднования, их последующий анализ и описание причин, действующих факторов такого рода трансформаций в рамках современной культуры участия»). Автор феноменологически акцентирует внимание на генетических процессах современной культуры и, по мнению рецензента ошибочно, анализ и описание причин ограничивает исключительно областью внутренней их взаимообусловленности. Отчего теоретическая метафора субъектности культуры, подразумевающая на самом деле симбиоз социальной субъектности и культурно-исторических её детерминант, затмевает собой область объективных (внешних) факторов изменений в культуре (например, географическую локацию традиционных культур,

неоднородность и разнонаправленность социальных процессов и отношений и пр.). В целом, на взгляд рецензента, автор справился с проблематизацией изучения трансформаций в «культуре участия» как элемента социокультурного проектирования. Возможно, было бы уместно констатировать в заключении статьи, что феноменологического подхода недостаточно для детального анализа и описание причин трансформаций современной культуры участия или, напротив, утвердительно и однозначно заявить о полной изученности в рамках предпринятого исследования факторов наблюдаемых трансформаций.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «в современной ситуации интенсивной и стремительной смены внешних условий ускорения общей социальной и культурной динамики, в значительной степени определяемой достижениями современной науки и техники, происходит столь же динамичная трансформация моделей и парадигм культурного роста и развития, что, в свою очередь, не может не отражаться вполне определенным и целенаправленным образом на процессе изменения более частных и преимущественно коллективных, массовых форм празднования в рамках более общей культуры участия». Выражаясь проще, новейшие технологии позволяют части общества манипулировать общественным сознанием в рамках проектирования парадигм культуры участия, что и обуславливает научный интерес к обозначенной теме.

Научная новизна исследования, заключающаяся в авторской трактовке генетических изменений в современной массовой культуре и проблематизации изучения трансформаций в «культуре участия» как элемента социокультурного проектирования, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом выдержан научный, необходимо лишь сноски на источники по тексту привести в соответствие с оформительскими требованиями редакции (см. https://nbpublish.com/e_fr/info_106.html).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного поиска.

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемное поле исследования, но её оформление содержит отдельные неточности и требует доработки согласно требованиям редакции и ГОСТа (https://nbpublish.com/e_fr/info_106.html).

Апелляция к оппонентам корректна и достаточна, автор активно участвует в острой теоретической полемике, хотя его отдельные аргументы и могут быть оспорены коллегами.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философская мысль» и после доработки оформительских неточностей может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философская мысль» автор представил свою статью «Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре», в которой проведено исследование динамики современной культуры празднования и влияющих на нее социокультурных факторов.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что во всех видах сложившейся культуры периоды празднования являются пиками интенсивности общения и взаимодействия отдельных индивидов и социальных общностей любого уровня, начиная с семьи и кончая всей человеческой цивилизацией как единым целым. В подобных условиях праздника общество создает предпосылки для обновления и повышения

уровня собственной интеграции. Автор отмечает прямую взаимозависимость между динамичной трансформацией моделей и парадигм культурного роста и развития и достижениями современной науки и техники, что, в свою очередь, стимулирует процесс изменения массовых форм празднования в рамках более общей культуры участия. Данная социокультурная ситуация и определяет актуальность настоящего исследования. Соответственно, цель исследования определена автором как выявление актуальной феноменологии изменяющихся форм празднования, их последующий анализ и описание причин, действующих факторов такого рода трансформаций в рамках современной культуры участия.

Методологическую базу составил комплексный подход, включивший общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, наблюдение, описание, а также феноменологический и философский анализ. Теоретическим обоснованием автору послужили труды таких российских и зарубежных исследователей как Ж. Бодрийяр, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, М. Маклюэн, М. Кастельс, С.Б. Верховская, В.В. Кортунов, Н.Р. Саенко и др. Эмпирическим материалом послужили современные социокультурные события и празднования.

Научная новизна исследования заключается в детальном обзоре и систематизации атрибутивных признаков массовых форм современных публичных событий и факторов, определяющих направление их трансформации.

Автор определяет предпосылки формирования современной культуры празднования политической культурой, от которой ее отличали два критерия: уровень активности участника в некотором «общем деле», а также уровень его субъектности. Переход от политико-ориентированных форм культуры участия к формам культуры празднования автор усматривает в способности инициировать обсуждение чего-либо с другими, тем самым привлекая их к сотрудничеству с последующей организацией любых культурных форм уже в рамках группового согласованного взаимодействия.

Определяя массовые формы празднования как неотъемлемую составляющую феномена массовой культуры, автор распространяет все атрибуты последней и на праздники: модерация со стороны средств массовой информации, манипулирование, а зачастую и обесценивание достижений и ценностей традиционной культуры, виртуализация празднования.

Автор представляет три ключевых характеристики, присущих современной трансформации массовых празднований: ярко выраженная фриковость, стилистическая микшированность и сценарно-сюжетная мультипликативность (обилие ремейков).

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение предпосылок, факторов и потенциальных направлений трансформации современной социокультурной среды представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет довольно четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 21 источника, что является достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Текст статьи выдержан в научном стиле, однако

автору следует доработать оформление статьи и привести ссылки на источники в соответствие с требованиями редакции.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.